

Чем ценен европейский опыт

Символическому падению Берлинской стены исполнилось заметно более четверти века – вот уже скоро две трети того времени, которое Моисей водил евреев по пустыне. Представляется, что это вполне достойный срок для подведения хотя бы предварительных итогов евроинтеграции – притом, что они представляются уже вполне бесспорными.

Опыт европейской интеграции важен, в частности, и потому, что Европейский Союз по-прежнему остаётся, наряду с США и Китаем, одним из трёх мировых экономических “центров силы”. Этому положению совершенно не мешает его сохраняющаяся политическая подчинённость США. Более того, мы видим в ходе нарастающих по масштабам военных операций и организации переворота с последующим развязыванием гражданской войны на Украине, как страны ЕС (и даже далеко не всегда “в шкуре” НАТО) всё более выпячиваются перед американцами в ходе их военных, политических, информационных и экономических агрессий.

Для российского общества исключительно важно и то, что Европейский Союз, несмотря на введённые им санкции и демонстрацию откровенно неадекватной враждебности и агрессивности по отношению к нашей стране, всё ещё остаётся крупнейшим торговым партнёром России. Соответственно, необходимо сохранять уверенность в том, что с ним можно будет поддерживать коммерческое сотрудничество и в отдалённой перспективе (хотя грузоперевозки начали переориентироваться на занятую работой, а не нравочениями Юго-Восточную Азию задолго до украинской катастрофы).

Ещё более важна культурно-идеологическая составляющая интереса к Европе и её опыту. Ведь именно в нашем обществе, причём в самых широких и разнообразных его слоях, всё ещё жива идея Европы как средоточия, квинт-эссенции цивилизованности и демократичности, как высшего выражения “свободы, равенства и братства”. Россия с 1987 года, вот уже более четверти века живёт в условиях национальной катастрофы, именуемой “либеральными рыночными реформами”. В условиях ещё более быстрой, чем в развитых странах, варваризации мы отчаянно нуждаемся в том, чтобы нашему стремлению к цивилизованности и культуре было на что опереться не только в прошлом, в становящихся всё более туманными и мифологизированными воспоминаниях о Советском Союзе, но хотя бы и в настоящем, в современной Европе, и мы всё более остро тревожимся о том, что вместо ещё недавно

казавшихся незбылыми европейских ценностей всё чаще пытаемся опереться на воздух.

Европа со времён Древнего Рима и Карла Великого пережила целый ряд интересных интеграционных проектов, и значение нынешнего Евросоюза – не столько в его актуальности, сколько в сравнительной гуманности: не будем забывать, что прошлый общеевропейский проект реализовывался Гитлером, а позапрошлый – Наполеоном, отказавшимся от активной политической деятельности лишь после физической гибели большинства пригодных к военной службе французских мужчин.

Поэтому Европа необходима России в том числе и как символ и прививка гуманности, даже полностью растоптанной её собственной повседневной политической практикой. И её все более очевидная неспособность и, более того, откровенное нежелание выполнять эту функцию также требуют углублённого изучения, так как представляются наиболее концентрированными и наиболее яркими признаками выражения угрозы, нависшей в наше время над человеческой цивилизацией.

Экономическое сближение провалилось

Уже с середины “нулевых” годов не вызывает практически никаких сомнений то, что **европейская интеграция и расширение Европейского Союза способствовали не преодолению, но, напротив, усугублению его внутренних проблем.**

Таблица 1

Сравнительная динамика развития стран Евросоюза

Страна	1980	1985	1988	1992	1995	2000	2005	2010	2014	2015
Франция	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Люксембург	135,3	122,6	136,3	158,7	181,2	199,5	223,6	243,2	257,3	258,8
Дания	103,8	118,0	120,5	117,7	125,1	128,8	131,5	133,8	136,4	140,5
Швеция	120,4	124,6	124,2	123,5	102,9	119,4	113,1	116,4	126,8	128,0
Нидерланды	101,3	96,1	95,4	95,3	103,2	110,4	114,0	119,4	115,1	115,5
Австрия	80,9	88,6	95,1	99,8	107,7	103,1	102,6	106,8	112,8	114,6
Ирландия	47,9	58,8	56,8	62,3	68,8	112,7	140,8	113,7	112,7	114,4
Финляндия	87,7	115,1	122,7	92,0	95,2	104,2	107,6	109,3	111,2	111,7
Германия	81,6	82,4	86,8	103,4	110,6	98,6	92,8	95,9	104,0	105,6
Бельгия	94,4	83,4	86,3	91,2	100,8	97,7	99,9	103,1	103,9	104,4
Великобритания	73,4	81,7	82,8	78,2	73,0	109,0	106,6	87,3	97,3	101,2
Италия	63,6	77,7	84,7	91,1	71,4	83,4	85,4	82,3	78,3	78,2
Испания	45,8	45,3	51,3	63,4	54,3	62,0	71,7	70,5	66,4	67,1
Мальта	нд	нд	нд	нд	36,7	45,6	42,1	49,0	53,6	54,9
Словения	нд	нд	нд	38,8	38,4	44,1	50,3	55,6	53,4	53,7
Кипр	31,6	43,3	40,8	44,8	50,2	56,6	62,8	65,1	52,8	52,1
Греция	42,4	44,8	39,1	42,8	44,2	50,2	60,0	62,4	49,2	50,1
Португалия	25,0	26,4	29,7	43,2	41,6	49,3	50,3	51,0	47,9	48,3
Эстония	нд	нд	нд	нд	9,2	17,5	28,5	34,7	43,6	45,0
Чехия	35,6	44,4	32,0	12,9	20,1	24,5	35,2	44,9	41,8	43,3
Словакия	нд	нд	нд	нд	13,1	16,3	24,6	38,2	40,7	41,7
Литва	нд	нд	нд	нд	нд	14,1	21,1	28,1	36,3	37,9
Латвия	нд	нд	нд	2,3	7,1	14,0	19,6	27,0	35,6	36,9
Польша	12,1	18,7	9,9	9,4	12,9	19,2	22,0	29,1	31,6	33,7
Хорватия	нд	нд	нд	10,3	17,8	21,1	28,7	32,5	30,0	30,6
Венгрия	16,1	20,0	15,2	14,8	15,8	19,5	30,2	30,1	29,0	29,4
Румыния	15,5	20,5	14,0	3,4	5,6	7,2	12,8	18,2	22,4	23,8
Болгария	23,0	30,9	29,0	4,0	5,8	6,8	10,4	15,1	16,9	17,6

(ВВП на душу населения, выраженный в долларах, по отношению к уровню Франции. Для 2015 года приведены прогнозируемые данные)

Ключевая проблема Европейского Союза заключается и заключается в глубочайшей внутренней дифференциации, связанной не только с уровнем развития экономики входящих в него стран, но и с внутренней культурной разнородностью. Носители разных культур, даже таких близких, как французская и немецкая, по-разному реагируют на одни и те же воздействия, что существенно затрудняет унификацию управления. Что же говорить о странах Средиземноморья! Ситуация кардинально усугубилась в 2004 году, когда единая Европа расширилась, по сути дела, за пределы своих культурных границ, однако в силу налагаемых политкорректностью ограничений этот вызов не только не нашёл должного управленческого ответа, но даже не был осознан. *(Хотя высокопоставленный представитель Европейской Комиссии и заявлял автору данной книги, что “у нас нет никаких проблем с Болгарией и Румынией, потому что мы не верим никакой информации, которая исходит из этих стран”)*.

Динамика подтягивания экономики южных и восточноевропейских стран к уровню экономики развитых стран-членов Евросоюза производит глубокое и неоднозначное впечатление.

Дифференциация членов Европейского Союза остаётся весьма значительной и связана отнюдь не только с принятием новых членов, невозможность “подтягивания” которых до уровня развитых стран стала в последние годы уже совершенно очевидной. Так, с 1988-го по 1992 годы расширения Европейского Союза не происходило, но его внутренняя разнородность увеличивалась в силу специфики его собственного развития: темпы экономического роста более развитых страны в целом были выше, чем в менее развитых.

Насколько можно судить, в периоды благополучного развития, не связанные с внутренними и внешними шоками, наблюдается более заметное увеличение степени дифференциации Европейского Союза, так как отсутствие потрясений позволяет развитым странам реализовать свои преимущества во внутриевропейской конкуренции, несмотря на обязательства развивать экономику новых членов.

Потрясения же ложатся основным грузом на наиболее развитые страны, “локомотивы” европейской интеграции, сокращая их отрыв от остальных и тем самым снижая внутреннюю дифференциацию (как после кризиса 1997–1999 годов) или, по крайней мере, замедляя её нарастание (как после кризиса 2008–2009 годов).

Это представляется весьма неутешительным для будущего объединённой Европы выводом, так как наглядно демонстрирует её проблематичность: без поддерживающих её общность шоков она неминуемо разделится в самой себе.

Не менее знаменательная картина складывается и при наблюдении за странами бывшего социалистического лагеря. Несмотря на значительные темпы подтягивания к общеевропейскому уровню развития, рубеж в половину французского уровня по ВВП на душу населения среди них пересекла лишь Словения, причём ещё в 2005 году. Отставание остальных стран этой группы, хотя в целом и сокращается, остаётся качественным, а не количественным. Эти страны по-прежнему не столько “Европа”, сколько “Восточная Европа” в традиционном понимании этих терминов.

Насколько можно понять, достаточно устойчивое сохранение отставания стран Восточной Европы обусловлено самой моделью европейской интеграции. Более того: **глубокая внутренняя дифференциация Европейского Союза, хотя и постепенно снижается, является его фундаментальной особенностью и в обозримом будущем будет носить качественный, а не количественный характер.**

Колониализм – новая сущность Евросоюза

С годами крепнет уверенность в том, что сохранение разрыва в уровне развития и хроническая потребность новых членов Европейского Союза в помощи являются не только не случайными, но и предопределёнными самой экономической моделью европейской интеграции.

Ориентация стран Европейского Союза прежде всего на внутренний рынок, но ни в коем случае не преимущественно на экспорт за его пределы, жёстко навязываемая всем его новым членам, представляется естественным

следствием рационального стремления к устойчивому развитию, защищённому от внешних шоков. Строго говоря, в этой части она вполне разумно воспроизводит экономические модели Советского Союза и Китая. Однако для новых членов данное условие оборачивается требованием переориентации внешней торговли на внутренний рынок Европейского Союза, на котором для их национального производства (даже когда оно соответствует европейским стандартам, разрабатывавшимся в том числе и для обеспечения нетарифного протекционизма), как правило, просто не было и не будет места.

Это создавало большие проблемы для всех присоединявшихся к Европейскому Союзу стран. Ставшая притчей во языцех Греция, например, в рамках евроинтеграции была вынуждена существенно ограничить производство своих экспортных продуктов – вина, табака, оливок и даже хлопка, попросту не нужных объединённой Европе. По сути, из базовых отраслей экономики ей позволили развивать одно лишь судостроение, которое, однако, вскоре не выдержало глобальной конкуренции.

Для бывших социалистических стран вступление в Европейский Союз способствовало ограничению, а то и прямому разрыву торговых связей, прежде всего с Россией, с которой они были объединены в рамках прежней, социалистической модели интеграции.

Поскольку высокотехнологичная продукция новых членов, как правило, была неконкурентоспособна на внутреннем рынке Европейского Союза, их европейская ориентация объективно способствовала быстрой и беспощадной деиндустриализации этих стран. “Гиперконкуренция” со стороны европейских фирм вела к массовой безработице и утрате рабочей силой квалификации, вытеснению населения в сектора с высокой самоэксплуатацией. Это, прежде всего, мелкая торговля, перевозимый либералами малый бизнес и сельское хозяйство.

Другим следствием стала широкомасштабная миграция населения в развитые страны Европейского Союза, в которых она существенно “испортила” рынок труда. Наконец, не следует забывать и того, что чрезмерное “измельчение” бизнеса объективно снижает национальную конкурентоспособность, в частности, технологический уровень страны.

Экономики Восточной Европы (в первую очередь, банковские системы, оставшиеся слабыми), за малым исключением, практически полностью перешли под контроль глобальных корпораций “старой” Европы, которые сохранили промышленность, как правило, только там, где имелась высококвалифицированная рабочая сила. Стоит отметить, что некоторое относительное улучшение экономических показателей новых членов Европейского Союза произошло за счёт переноса в них значительного числа экологически вредных производств.

В странах со сравнительно малоквалифицированной рабочей силой (Румынии, Болгарии, странах Прибалтики) ещё на этапе подготовки к вступлению в Европейский Союз была организована подлинная промышленная катастрофа, благодаря чему квалифицированные и активные работники при открытии границ просто бежали на Запад (так, в 2007–2008 годах из Румынии уехало 2–3 млн человек). Это создавало в странах – новых членах Европейского Союза дефицит рабочей силы и повышало стоимость оставшейся, что во многом лишало эти страны преимуществ дешёвой квалифицированной рабочей силы. Подготовка же специалистов из-за закрытия соответствующих производств и отказа от массового создания новых почти прекратилась.

Сохранённая промышленность в значительной степени занимается простой сборкой продукции корпораций “старой” Европы, в том числе ориентированной на экспорт на ёмкие рынки России и (до 2014 года) Украины.

В результате в странах Восточной Европы прошла масштабная и почти всеобъемлющая деиндустриализация и возникла двухсекторная экономика, характерная для колоний, пусть даже и новой эпохи.

Представляется принципиально важным, что западный капитал, как правило, не создавал новые, но использовал уже существующие в Восточной Европе и созданные до него ресурсы, придавая осуществляемой в ходе евроинтеграции модернизации преимущественно “рефлексивный” характер.

В рамках созданной модели добавленная стоимость выводится из стран – новых членов Европейского Союза в страны базирования глобальных корпораций, что обуславливает парадоксальное сочетание экспортной ориентации

с хроническим дефицитом текущего платёжного баланса (во многом за счёт высоких инвестиционных доходов). В частности, в Румынии 85% инвестиционного импорта идёт на обеспечение производства экспортной продукции.

Президент Чехии Клаус в своё время был вынужден признать, что вступление его страны в Европейский Союз превратило её в “объект выкачивания денег”. Это касается всех стран Восточной Европы: их сальдо текущих операций платёжного баланса ещё до начала кризиса 2008–2009 годов (что принципиально) было намного хуже, чем в 1990 году, последнем году существования социалистической системы. В Болгарии оно снизилось с $-8,1\%$ ВВП в 1990 до $-25,2\%$ ВВП в последнем предкризисном 2007 году, в Чехии – с $0,00$ до $-4,4\%$ ВВП, в Венгрии – с $+1,1$ до $-7,3\%$ ВВП, в Польше с $+4,9$ до $-6,2\%$ ВВП, в Румынии с $-4,6$ до $-13,4\%$ ВВП; за 1992–2007 годы оно снизилось в Словении с $+5,7$ до $-4,0\%$ ВВП, Литве с $+5,3$ до $-14,5\%$ ВВП, в Латвии с $+12,3$ до $-22,4\%$ ВВП; за 1993–2008 годы в Эстонии с $+1,2$ до $-15,1\%$ ВВП, в Словакии с $-4,9$ до $-5,3\%$ ВВП – и это, как мы видим, наименьшее ухудшение данного показателя!

Отрицательное сальдо текущего платёжного баланса некоторое время может поддерживаться притоком иностранных инвестиций, однако при хроническом характере означает “жизнь в долг” с высокой зависимостью от внешних шоков и рисками девальваций либо, если они невозможны (например, из-за вступления в зону евро), ухудшения социальной защиты.

Когда эти “скрытые резервы” исчерпываются, то есть, грубо говоря, в стране заканчиваются финансовые ресурсы, которые из неё можно вывести, платёжный баланс относительно нормализуется, но это состояние обескровленности практически исключает возможность нормального развития.

Принципиально важно, что структурные фонды Евросоюза обуславливают выделение средств на развитие весьма жёсткими условиями, которым сложно соответствовать. Так, в 2007 году Румыния могла получить из этих фондов 2 млрд евро, но на практике смогла использовать лишь 400 млн из фонда рыбоводства. В то же время её взнос в бюджет Евросоюза составил 1,1 млрд евро ($1,8\%$ ВВП), то есть Румыния стала не бенефициаром, а донором Европейского Союза, причём возникли вполне обоснованные опасения закрепления этого положения на длительное время. Другой пример – Латвия, которая смогла начать использовать средства, выделенные Евросоюзом на модернизацию сети её автомобильных дорог, лишь в 2013 году.

Во всей Восточной Европе мы видели массовую скупку активов, в ходе которой западные корпорации стали хозяевами не только банковских систем, но и практически всей экономики, а через неё – и всей политики стран Восточной Европы. Показателен провал попытки выработать стратегию социально-экономического развития Румынии: совершенно неожиданно для её европейски ориентированного руководства оказалось, что будущее страны в решающей степени определяется не национальными властями, но корпорациями “старой” Европы и решениями Еврокомиссии, на которые власти Румынии не могут оказать реального влияния. Соответственно, никакая национальная стратегия развития в рамках Европейского Союза невозможна по определению, по крайней мере, для его новых, относительно слабых членов.

Развитые страны (в том числе в рамках “Восточного партнёрства”) действуют (возможно, бессознательно) по принципу “Возьмите наши стандарты, а мы возьмём ваши ресурсы и уничтожим то, чем вы можете конкурировать с нами”. В целом это всё меньше напоминает декларируемое справедливое и равное сотрудничество и всё больше – жестокою неокOLONиальную эксплуатацию.

Неспособность управлять даже собой

Глубокая и неустраиваемая внутренняя дифференциация Европейского Союза оборачивается серьёзным различием даже самых насущных интересов его членов, которое, в свою очередь, превращает практически все значимые решения, принимаемые в его рамках, в плоды сложнейших многоуровневых компромиссов.

Вступление в силу Лиссабонского договора облегчило этот процесс, но одновременно обострило внутреннюю напряжённость в Европейском Союзе, создав угрозу того, что некоторые страны часто будут оказываться в меньшинстве, а малые страны станут заметно менее значимыми.

Однако принцип многоуровневого компромисса как основного инструмента выработки решений сохранился, и, соответственно, корректировать их после принятия по-прежнему остаётся исключительно сложным делом, что обуславливает поразительную негибкость позиции Европейского Союза. Поскольку она вырабатывается без участия не входящих в объединённую Европу стран (в том числе и России), эта позиция, как правило, оказывается негибкой за их счёт, — в частности, за счёт нашей страны.

При этом высокое влияние США на политическую элиту целого ряда стран Европейского Союза (часто доходящее до прямого управления ими, как марионетками, в случаях с Польшей, Прибалтикой и Болгарией) позволяет им оказывать колоссальное влияние и на процесс принятия решений, когда они регулярно добиваются от Европейского Союза действий, выгодных США и невыгодных ЕС.

Важную роль в этом играет и интеллектуальная несамостоятельность, зависимость европейского политического класса от США и их глобальных аналитических структур, а также страх ответственности, что стало привычным для последних поколений европейской политической “элиты”. Они традиционно делегируют принятие значимых решений США, получая от них умеренные дивиденды (в основном, частного характера) и перекладывая на них перед своими избирателями и национальными элитами как их, так и свои собственные ошибки.

Единственным моментом, когда руководители Европы почти освободились от стратегической зависимости от США, представляется нападение на Ирак в 2003 году. Оно осуществлялось с таким грубым пренебрежением европейскими ценностями (от соблюдения процедур принятия решений до простого человеческого здравого смысла), что руководители континентальной Европы, выражая публичное несогласие с ним (или, как минимум, сомнение в его правомерности), вплотную подошли к преодолению своей зависимости от США. И, ощутив, что при продолжении этой линии им поневоле придётся начать самостоятельно принимать определяющие будущее их стран решения и нести ответственность за последствия их реализации, перепугались и панически вернулись “под крыло” американской администрации. Процесс этого возвращения получил юмористическое (для наблюдавших процесс с близкого расстояния) наименование “трансатлантического ренессанса”.

Отмирание бюрократической морали

Непреодолимая и не снижающаяся со временем культурная и хозяйственная разнородность Европейского Союза объективно обуславливает, как это было и в Советском Союзе, необходимость исключительно высокой идеологизации системы управления, так как именно идеологизация создаёт систему сверхценностей, ради которых можно жертвовать текущими материальными и иными интересами.

Однако с другой стороны, идеологизация неминуемо чревата весьма существенным снижением качества управленческих решений, как мы также видели на примере Советского Союза.

Кроме того, в настоящее время основа этой идеологизации — традиционно провозглашаемые европейские ценности и расширение сферы их применения, то есть расширение Европейского Союза — сталкивается с двумя фундаментальными и, по всей видимости, принципиально непреодолимыми вызовами.

Прежде всего, противоречие между формальным политическим равноправием членов Европейского Союза и различным уровнем их не только социально-экономического, но и культурно-цивилизационного развития ослаблено Лиссабонским договором, прежде всего, за счёт равноправия. Надежды же на быстрое “подтягивание” новых членов к лидерам оказались ещё более беспочвенными, чем аналогичные надежды советской “цивилизации”. Таким образом, Европейский Союз ради повышения эффективности управления сделал весьма значительный шаг назад от равноправия. Представляется значительно менее важным, но также существенным, что при этом никакого значимого повышения управляемости Европейским Союзом не произошло.

Второй вызов декларируемым европейским ценностям заключается во всеобщем понимании того, что к настоящему времени глобальный экономический кризис пусть и не сразу, но всё-таки остановил существенное рас-

ширине как Европейского Союза, так и еврозоны. С одной стороны, у наиболее развитых стран Европы больше нет ресурсов для расширения своего влияния. С другой – неразвитые европейские страны, являющиеся потенциальными кандидатами на членство в Европейском Союзе, из-за кардинального ухудшения экономической конъюнктуры больше не могут выполнять стандартные требования евробюрократии даже в их весьма смягчённом варианте. Исключения последних лет: вступление Хорватии в Европейский Союз, а Эстонии и Латвии – в еврозону своей незначительностью лишь подтверждают это правило. Это шаги, предпринятые Европейским Союзом и еврозоной для демонстрации продолжения успешного расширения и углубления евроинтеграции в то самое время, когда её потенциальные ресурсы уже практически полностью исчерпаны. Вероятное присоединение к Европейскому Союзу незначительных в экономическом плане Албании и Черногории (которая уже де-факто находится в еврозоне) лишь подтвердит эту тенденцию.

В этой ситуации важным паллиативом, позволившим на время замаскировать стратегическую истощённость европейской интеграции, стало “Восточное партнёрство”, обеспечившее, помимо прочего, ещё более надёжную привязку к евробюрократии административных и коммерческих элит стран-соседей, а также комплексную расчистку их юридического пространства для дальнейшей экспансии европейского бизнеса.

Таким образом, Европейский Союз, этот экспансионистский по своей природе и объективно направленный на неуклонное расширение проект, из экстенсивного поневоле становится интенсивным, и это на наших глазах начинает болезненно трансформировать весь его облик. Не стоит забывать, сколько прожил другой интеграционный – советский – проект после того, как под давлением внешних обстоятельств был вынужден отказаться от территориальной экспансии и, соответственно, от экстенсивного расширения.

Проблема перехода от интенсивного к экстенсивному развитию носит не только управленческий, но и принципиальный, ценностный характер. Ведь отказ от насаждения своих ценностей, от их неограниченной экспансии, вне зависимости от причин такого отказа, сам собой, автоматически ставит перед всеми их носителями (а далеко не только перед одними их пропагандистами) вопрос о справедливости и, соответственно, фундаментальной обоснованности этих ценностей. А сама возможность постановки подобного вопроса уже подрывает их, а с ними – не только внешнюю эффективность, но и саму идентичность их носителей. Как только кто-то отказывается (повторюсь, по любой причине) от неограниченной экспансии, от повсеместного насаждения своих ценностей, он тем самым автоматически признаёт их неуниверсальность, локальность, что в современном глобализованном мире является, по сути дела, синонимом их неполноценности.

Помимо этого, крайне болезненной проблемой Европейского Союза является удивительная слабость европейской самоидентификации, даже на уровне элит, если, конечно, ориентироваться на их реальное поведение и, в первую очередь, на принимаемые ими стратегические решения. При этом рост значения регионов в рамках концепции “Европы регионов”, равно как и усиление действия общеевропейских (вроде Партии европейских левых) и глобальных сил (среди которых, в первую очередь, надо отметить политический ислам) разрушает далеко не только национальные бюрократии и национальные идентичности, как это планировалось идеологами “новой Европы”, но и саму европейскую целостность, существующую в основном в виде отдалённой и расплывчатой мечты.

Весьма значима для руководства Европейского Союза, – возможно, в том числе и из-за его исключительно высокой идеологизации, – и проблема морали. Переписывание истории, насаждение демократии в новых “крестовых походах” в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии (в форме агрессивного исламского фундаментализма) и Украине (в форме откровенного архаичного нацизма) при предельно циничной толерантности к её “дефициту” (по официальной формулировке) в Латвии и Эстонии, глубоко аморально. Всё это противоречит европейским ценностям в том виде, в каком мы привыкли их признавать.

Всей своей историей и всем своим поведением Европейский Союз с исчерпывающей убедительностью демонстрирует, что аморальность (и тем более аморальность, возведённая в принцип и превращённая в новую, хотя пока ещё и не европейскую в полной мере, но, безусловно, уже давно евробюрократи-

человеческую форму морали) неминуемо подбивает жизнеспособность как отдельных людей, так и сообществ наций.

Зачем Европа России?

Никакие “общечеловеческие” и гуманитарные иллюзии в отношении Европейского Союза в настоящее время, когда он вполне открыто и официально объявил нам пока холодную войну, введя экономические санкции (второй пакет которых был принят немедленно после вторых Минских соглашений, чем Европейский Союз весьма наглядно и убедительно “наказал” Россию за попытку прекратить развязанное и поощряемое европейцами кровопролитие на Украине), больше не имеют права на существование.

Как ни жаль, современный символ гуманистической цивилизации – Европа практически полностью утратила творческий дух по отношению к глобальным процессам, страдает провинциализмом и догматизмом в предельно острой и опасной для окружающих форме. Насколько можно судить, это не позволит ей, при всём её колоссальном накопленном культурном багаже и богатстве, не только вести сколь-нибудь успешную глобальную экспансию, но и даже и просто стать самостоятельным субъектом мирового развития.

Как это ни прискорбно, в настоящее время Европа представляет собой не более чем пассивный, управляемый внешними эгоистичными силами и уверенно клонящийся к упадку, хотя всё ещё и очень обеспеченный и достаточно мощный регион.

Для России Европейский Союз, насколько можно судить, в настоящее время представляет собой, прежде всего, по-прежнему ёмкий рынок, весьма полезный культурный феномен, источник весьма разнообразного набора частично пригодных для заимствования форм и принципов существования и одновременно зловещее предупреждение о недопустимости слепого копирования даже лучших из них.

Современная Европа для нас, как бы это ни было прискорбно, выродилась в не более чем предмет и инструмент потребления. Да, самого разнообразного, включая эмоциональное и интеллектуальное. И, конечно, её разложение отнюдь не повод для озлобления и какого бы то ни было самоограничения этого потребления.

Просто не нужно ждать, что она решит за вас ваши проблемы и откроет перед вами дверь в лучший мир.

Блага, которые действительно способна предоставить нынешняя Европа, связаны с обеспечением индивидуального комфорта в самом широком смысле этого слова – от материального потребления и приобщения к безусловным культурным ценностям до бизнеса, личной безопасности, здравоохранения и доступа к всё ещё сравнительно качественному (при всём неуклонном снижении его уровня), а главное – признаваемому самой Европой – образованию.

Этим и надо по мере возможности пользоваться.

А вот поиск союзников и учителей, коллективных и личных норм поведения, смыслов, ценностей, принципов или, упаси Боже, мировоззрения, целостной жизненной философии – это не к Европе, как бы ни старались её многочисленные поклонники и пропагандисты нас в этом убедить.